

Кажется, о чуде говорят столь часто и широко, что само это слово для нас утратило свой сакральный авторитет и стало действительно привычным. В этом нет ничего удивительного. Более того, мне кажется, что если бы мы вообще смогли отказаться от преклонения перед чудом, если бы сознательно или подсознательно не искали постоянно чего-то чрезвычайного для подтверждения истинности веры, то это была бы, наверное, одна из самых больших всемирно-исторических побед христианства. Если бы в человеческой душе окончательно угасло извечное требование перед Небом, там нашлось бы достаточно места для той веры, которая способна сдвигать с места горы и исцелять неизлечимо больных. Однако соблазн власти и страсть к магическому контролю над потусторонним, сверхъестественным оказываются настолько реальными жизненными ориентирами для большинства из нас, что почти каждый где-то глубоко в душе греет надежду на то, что в один прекрасный момент и моя вера принесет такой явный плод – чудо!

Требование чуда, явное или прикрытое, для нашей души в некоторые моменты становится настоящим испытанием. Трудно заболел дорогой нам человек, мы стоим перед важным выбором в жизни, жизнь едва держится на краю пропасти – в такие острые моменты наше сердце невольно вспоминает слова Христа: «Просите и дано будет вам...» И мы начинаем просить. Мы умоляем. Так искренне наше сердце еще не говорило... Мы ждем, мы надеемся, мы требуем чуда... А оно не приходит...

Бывает и другая логика. Ее выразителем перед судом истории предстает Смердяков Достоевского. Он говорит доступно и до боли правдоподобно: «...ведь сказано же в Писании, что когда имеете веру хотя бы на самое малое даже зерно и притом скажете сей горе, чтоб съехала в море [в Евангелии от Марка: «кто скажет горе сей: «Поднимись и ввергнись в море» (Мк. 11:23)], то и съедет, нимало НЕ медля, по первому же вашему приказанию. Что же, Григорий Васильевич, когда я неверующий, а вы столь верующий, что меня беспрерывно даже ругают, то попробуйте сами-с сказать сей горе, чтобы не то чтоб в море (потому что до моря отсюда далеко-с), но даже хоть в речку нашу вонючую съехала, вот что у нас в саду течет, то и увидите сами в тот же момент, что ничего НЕ съедет-с, а все останется в прежнем порядке и целости, сколько бы вы ни кричали-с. А это означает, что и вы не веруете, Григорий Васильевич, надлежащим манером, а лишь других за то всячески ругаете... никто в наше время, не только вы-с, но и решительно никто, начиная с самых даже высоких лиц до самого последнего мужика-с, не сможет спихнуть горы в море...»

Когда я впервые прочитал эти слова, то несмотря на мою, казалось бы, убежденность и преданность принципам веры, я все же, признаюсь, был не на шутку взволнован. Первый вопрос, который возникает: где грань веры, за которой начинается реальность чуда? Сколько испытаний и мытарств нужно преодолеть, чтобы стать достойным этого дара?

Я долго искал ответ. То, к чему я, наконец, пришел, конечно же, не может претендовать на какую-то абсолютность. Я понимаю, что эти соображения, как бы мне ни хотелось другого, остаются путем одного сердца. Понятно и то, что, как всякое личное переживание, оно для других часто остается непонятным и чужим. И вообще такие вещи мало поддаются логическому изложению, это больше реальные переживания. Однако

размышления, здесь изложенные, хотя и скорее всего для большинства останутся малопонятными, все же доказывают истинность слов Христа, которые идут сразу за цитируемым призывом: «Просите, и дано будет вам...» Далее в Евангелии говорится: «Ищите и найдете...» Здесь Спаситель обещает решить любое недоразумение, если мы будем честно искать ответ. Это точка отсчета в понимании смысла чуда – Господь всегда отвечает, хотя и не всегда в той форме, в которой мы от Него требуем!

Мне кажется, что в ситуации с чудом мы слишком увлекаемся им как фактом и критерием веры. Однако Христос пришел не для того, чтобы вербовать армию наемников, которым бы Он смог доверить сверхмощное оружие, которое может смещать горы и реализовывать любые наши желания. Спаситель является для того, чтобы встретиться с человеком, чтобы открыть ему Себя как последнюю и абсолютную реальность. И чудо, которое мы воспринимаем как нарушение известных законов физики, свидетельствует о масштабах Божественного творения, о бездонности Вселенной. В самом же центре этой бесконечности оказывается конкретный человек. Через чудо для него становится ясно, что он может вместить гораздо больше, чем воспринимают его органы чувств. Оказывается, человек и Бог имеют невидимые точки соприкосновения. Они могут общаться как Личность с личностью.

Чудо всегда конкретное. Оно полностью зависит от цели и только ею оправдывается. Чудо в Евангелии – это всегда ответ на поиски конкретного человека. Без него оно не является. Христос, наоборот, удаляется от просящих Его через знамение явить Себя миру. Он только делает явным для нас тот сокровенный диалог Творца и творения, который состоялся раньше, «под смоковницей» (Ин.1, 48). Чудо – это тот момент, когда реальность этого мира теряет свою актуальность, а человек уже знает, чувствует, верит, ищет встречи с реальностью иного порядка. То есть чудо – не цель, а попутный феномен. Пока нет этого внутреннего прозрения, нет искреннего стремления принять Творца, чудо не имеет никакого смысла. Оно, как взрыв, прорывает оболочку внешности, разрывает последние преграды на пути к Богу, сковывающие веру. Однако если после взрыва за стеной не обнаружится ничего, то все усилия будут напрасными. Даже по смыслу слов Христа о том, что верующий сможет перемещать горы, понятно – это метафора. Основной смысл фразы – показать силу веры. Утвердить человека в том, что даже самая маленькая искра истинной веры уже является достаточной для нашего спасения, что даже за нее нужно держаться, что «верный в малом, будет верным и в большом»! А если – по-другому, какой смысл в том, что человек будет двигать горы? Неужели таков дар Того, Кто сказал: «Прежде всего думайте о небесном, а все остальное приложится»?..

«Иметь или быть?» – этот вопрос Эриха Фромма очень метко открывает мотивы обращения человека к чуду. Уже сам вопрос как требование знамения, подтверждение моих убеждений, обличает нечистоту наших намерений. Мы снова и снова пытаемся что-то присвоить – право на апелляцию к небу, право на подтверждение веры, право на чудо... Оно возникает в нашем представлении как личный прорыв предела, достижение недостижимого, разрыв с надоедливой будничной однообразностью. Я смогу, я добьюсь, мне нужно – вот центр требования чуда. Евангелие же открывает для нас совершенно иной взгляд на природу чуда. Прежде всего это – ответ Творца, акт Его любви, а не

обязанность поддержать веру в том, кто угрожает ее оставить. Получается, что мы требуем чего-то от Творца, значит, Он обязан перед нами! Не человек с помощью чуда прорывается на небо, а Бог сходит к нему. Чудо же – это любовь, оформленная в видимых контурах, и ничего больше! И в этом акте открывается величество факта нашего спасения – Сам Бог живет рядом, переживает все трудности нашей земной жизни и продолжает идти навстречу нам. К Нему не нужно прорываться в отдаленные уголки Вселенной: Он совсем близко, все знает, все видит и все устраивает для нашего спасения! Наши усилия должны быть направлены не на то, чтобы «докричаться» к Богу или «пробиться» на встречу с Ним, а на то, чтобы услышать и увидеть Его рядом, чтобы принять помощь, а не «добиться» ее у Творца. Все готово, все необходимое осуществляется здесь и теперь, а лишние движения, требования – это крик гордыни, желающей все видеть по своему плану!

В этом, наверное, и самый большой парадокс Евангелия: Христос ни разу не поставил перед человеком невозможную цель, однако, будучи всегда и во всем реалистом, показал пример идеального Человека. Поэтому и нас Он призывает к реализму – верой узнать, что Бог рядом в каждый момент жизни. Со времени прихода Спасителя окончательно теряют свою актуальность любые поиски магических способов проникновения в потустороннюю реальность, где люди надеются овладеть какой-нибудь сверхъестественной силой. Создатель Сам приходит к каждому, кто Его ищет, магия чудесного здесь совершенно не нужна. Поэтому и в Евангелии мы видим только одно настоящее чудо – встреча человека с Богом, все остальное – средства...

Само по себе, без конкретного человека, чудо бессмысленно. Более того, в этой новой реальности, человек вырастает в настоящую личность. И здесь проявляется еще один важный аспект чуда – ответственность. Христос ясно говорит об этом в Евангелии от Матфея: когда книжники и фарисеи обращаются к Нему с неумело прикрытым лукавством: «Учитель! Хотелось бы нам видеть от Тебя знамение» (Мф. 12: 38), – то в ответ слышат: «Ниневитяне встанут на суд с родом этим и осудят его, ибо они покаются от проповеди Иониной...» Чудо, оказывается, не просто открывает перспективу непосредственной встречи с Творцом, оно еще и несет ответственность, предупреждает о суде. Собственно, здесь – последний предел ответственности, после пересечения которого право на оправдание сводится к минимуму. Сделать подобное могут решиться только абсолютно уверенные в своих силах или отчаянные. Где гарантии, что после чуда я смогу вынести ответственность веры? Ведь здесь уже начинается дорога, на которой любое сомнение может иметь для меня роковые последствия. Грани слишком тонкие, а человек остается существом без гарантий, его свободу никто не забирает и не ограничивает, ни авторитет чуда, ни Сам Творец. Христос с горечью в сердце говорит: «Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! Если бы в Тире и Сидоне были явлены силы, явленные в вас, то давно бы они, сидя в рубище и пепле, покаялись» (Лк. 10:13).

Бог не берет на Себя ответственности преждевременно судить нас на верную гибель, обрекая чудом. И этот факт должен переживаться нами абсолютно реально, потому что его основы заложены уже в самом акте воплощения Христа. Тогда Спаситель взял на Себя всю ответственность нашего преступления и без единого слова упрека пронес ее через всю Свою земную жизнь до самой смерти на кресте. В Евангелии перед нами

предстает Творец, Который полностью отвечает за Свое творение. Этот Творец не судит с высоты неба, а стоит рядом и поддерживает, выходит навстречу. И вот Он, с абсолютным пониманием наших забот, немощи и ограниченности, не требует от нас невозможного, а учит быть людьми в реальной жизни. Реализм и человечность – вот что Он несет тем, кто продолжает бездумно требовать чуда. И сам призыв к покаянию, с которым является Христос, предполагает, что на земле возможна жизнь, отличная от той, которую ведут люди и под ношей которой сами они стонут. Чудо возможно, однако отнюдь не необходимо!